

НАПРАВЛЕНИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С УЧЕТОМ СТРАТЕГИИ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРАНЫ

В своем ноябрьском (2009 г.) Послании Федеральном Собрании Российской Федерации Президент РФ, наряду с другими важными политическими проблемами, затронул также некоторые вопросы нашей уголовной политики – в особенности вопросы состояния действующего уголовного законодательства. По его мнению, данное законодательство должно быть с учетом сформулированной в Послании стратегии модернизации России основательно реформировано¹.

То, что уголовный закон в принципе способен решать стратегические задачи, свидетельствует не только повышенное внимание к нему Д.А.Медведева, но и то, что данный закон, как это прямо вытекает из ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса РФ, выполняет не только охранительную, но и созидательную (обеспечивающую) функцию, поскольку перед ним поставлена задача, не только охранять, но и *обеспечивать* важнейшие ценности жизни, включая и такую, можно сказать, бесценную ценность, как мир и безопасность человечества. А раз в общемировом масштабе возможности уголовного закона столь велики, то и в деле национального обустройства он вполне может сказать свое довольно веское слово.

Как сказано в Послании, «наше уголовное законодательство (как и практика его применения) должно стать более современным». То есть, говоря иными словами, оно тоже нуждается в модернизации. По мнению Д.А.Медведева, «уголовное наказание, как на уровне закона, так и на стадии его применения судами, должно быть адекватным совершенному преступлению и, соответственно, лучше защищать интересы общества и интересы потерпевшего». Президент, в частности, предложил вернуться к широко использовавшейся еще в советское время так называемой административной преюдиции, то есть к та-

¹ См.: Российская газета. 2009. 13 ноября. С. 3-5.

кому правовому правилу, в соответствии с которым совершенное *неоднократно* административное правонарушение влекло бы, в случае неэффективности административной ответственности, уже не административную, а более строгую (именно уголовную) ответственность.

Говоря точнее, административная преюдиция совершенные неоднократно административные правонарушения как бы «превращает» (после применения к виновному соответствующей меры административного воздействия за ранее совершенное административное правонарушение) в *преступление* и требует уже применения к виновному не административного, а именно уголовного наказания. Таким образом, здесь юридически признается тот очевидный факт, что количество совершенных административных правонарушений (по меньшей мере, двух) придает им как бы новое (суммарное) качество – качество *общественно опасного* поведения, то есть преступления. Тем самым, не прошла проверку временем возобладавшая в свое время (при принятии УК РФ 1996 года) позиция, в соответствии с которой любая «мелкая шалость», как бы часто она не повторялась, оставалась бы всего лишь «мелкой шалостью» и не претендовала бы на то, чтобы вызывать на себя «огонь» уголовно-правового реагирования².

Полагаем, что на данном этапе развития уголовного законодательства возврат к административной преюдиции действительно возможен, но не до точности в прежнем (советском) ее варианте, когда уже второй факт совершения административного правонарушения (при условии, что второе правонарушение совершено не позднее одного года после совершения первого правонарушения и при наличии факта привлечения виновного в этом правонарушении

² Уязвимость этой позиции обусловлена тем, что она исходила не из «суммарной» («совокупной») опасности обоих совершенных административных правонарушений, позволявшей (опасности) рассматривать ее уже как опасность *общественную* (а не просто социальную опасность), а из концепции повышенной опасности (*общественной*) лишь последнего административного правонарушения – в силу того, что это (второе) правонарушение совершено *специальным* субъектом, а именно лицом, ранее (не раньше года тому назад) совершившим такое же нарушение и привлекавшимся за него к административной ответственности. Истина же заключается здесь в том, что преступность деяния определяется особенностями не только и не столько субъекта деяний, сколько его объективной стороны, состоящей в данном случае из *двух* актов противоправного поведения, то есть из *двух* административных правонарушений. Вспомним школьную алгебру, которая учит, что «а» плюс «а» есть именно *два* (а не одно) «а». И эти именно *два* «а» (два административных правонарушения), складываясь, образуют одно «п» (преступление).

лица к административной ответственности) влек бы ответственность уголовную, а в варианте, когда, как правило, не второй, а только, скажем, третий (а в некоторых случаях – только четвертый) факт совершения административного правонарушения влек бы уголовную ответственность – разумеется, при наличии опять-таки факта привлечения лица к административной ответственности за каждый из прежних фактов совершения административного правонарушения.

Кстати, Федеральный закон от 29 июля 2009 года № 216-ФЗ, изложивший ст. 178 УК РФ (недопущение, ограничение или устранение конкуренции) в новой редакции, создал интересный в рассматриваемом смысле прецедент, а именно пример возврата к административной преюдиции на принципиально новой основе. Разъясняя понятие *неоднократности* злоупотребления доминирующим положением как одного из альтернативных конструктивных признаков состава рассматриваемого преступления, названный Закон указывает, что таковой (неоднократностью) «признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением *более двух раз в течение трех лет* (курсив наш. – П.П.), за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности». Новации здесь состоят в том, что уголовная ответственность возможна, во-первых, лишь при *четырёхкратном* совершении соответствующего административного правонарушения (поскольку словосочетание «более двух раз» как раз и означает, как минимум, *три* ранее имевших место факта совершения такового), а во-вторых, при том обязательном условии, что все эти *три* факта «вкладываются» в трехлетний период, предшествующий *четвертому* факту совершения соответствующего административного правонарушения.

Подлежать административно-преюдициальной криминализации должны, как мы полагаем, *все* административные правонарушения, которые характеризуются, во-первых, повышенной социальной опасностью и, следовательно, влекут наиболее строгие административные наказания, а во-вторых, сравнительно широкой распространенностью. Это могут быть деяния типа, например,

мелкого хищения, мелкого хулиганства, мелкого вандализма и т.д. Важно в данной связи внимательнейшим образом проанализировать Кодекс РФ об административных правонарушениях и в необходимых случаях дополнить его составами таких административно-наказуемых деяний, которые при известной повторяемости и соответствующей повторяющейся административной наказуемости (наказываемости) способны преобразовываться в преступления. Это могут быть такие деяния, как, например, мелкая клевета, мелкое оскорбление, мелкое сексуальное понуждение, причинение мелкого имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, уничтожение или повреждение имущества в мелком размере, приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем – опять-таки в мелком размере, и т.д.

С учетом особенностей конкретных видов административных правонарушений криминализационную административную преюдицию можно было бы, как мы полагаем, предусмотреть в трех вариантах, а именно в таких:

вариант 1-й (наиболее строгий вариант): однократное совершение лицом административного правонарушения, за которое данное лицо в течение одного года, предшествовавшего последнему правонарушению, привлекалось к административной ответственности. Это могут быть, например, такие правонарушения, как мелкое хищение, мелкое причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, мелкое уничтожение или повреждение имущества;

- вариант 2-й (вариант средней строгости): двукратное совершение в течение двух лет лицом административных правонарушений, за которые данное лицо привлекалось к административной ответственности. Это могут быть, например, такие правонарушения, как мелкое хулиганство, мелкий вандализм и некоторые другие подобные деяния – за исключением тех, которые охватываются первым и третьим вариантами;

- вариант 3-й (наименее строгий вариант): троекратное совершение в течение трех лет лицом административных правонарушений, за которые оно

привлекалось к административной ответственности. Это могут быть, например, административные правонарушения, совершаемые в сфере экономической деятельности, а также административные правонарушения, совершаемые против интересов службы в коммерческих и иных организациях, некоторые экологические преступления – аналоги соответствующих уголовно-противоправных деяний, которые не характеризуются достаточными для уголовной ответственности стоимостными или иными параметрами (незаконное предпринимательство, производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, незаконная банковская деятельность, лжепредпринимательство, незаконная порубка леса, незаконный лов рыбы и др.).

В примечании к одной из статей Особенной части УК РФ о преступлениях с административной преюдицией важно установить следующее универсальное для всех случаев правило: лицо, привлекаемое к уголовной ответственности с учетом административной преюдиции, *освобождается* от ответственности, если дает письменное обещание впредь не совершать подобных или других общественно опасных деяний и если *за виновного ручается* достаточно авторитетное лицо. При этом под «достаточно авторитетным лицом» должно пониматься *любое лицо*, к которому у правоохранительных органов нет каких-либо достаточно серьезных претензий относительно его поведения.

Полагаем целесообразным указать в статьях 75 и 76 УК РФ, предусматривающих основания освобождения от уголовной ответственности – в связи соответственно с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим, на возможность привлечения в отдельных случаях лиц, освобожденных от уголовной ответственности, к ответственности административной. Тем самым удалось бы обеспечить более плотный «стык» между уголовно-правовыми нормами и нормами административного права. Противодействие деяниям на нижнем уровне их общественной опасности было бы в этом случае значительно более эффективным.

Понятно, что на первых порах весьма трудно (если вообще возможно) «залатать» все «дыры» на пограничных линиях, разделяющих сферы «вменения» норм уголовного и других отраслей законодательства. В данной связи было бы, на наш взгляд, важным дополнить статью 14 УК РФ частью третьей следующего содержания: «Уголовно-противоправное деяние, которое в силу малозначительности не представляет общественной опасности, но характеризуется достаточно высокой степенью социальной опасности, может влечь ответственность в соответствии с нормами других отраслей законодательства, а при отсутствии таковых – в соответствии с общими принципами права в виде административного штрафа в размере до пятикратной величины причиненного деянием материального ущерба и (или) нанесенного преступлением морального вреда».

Президент нацелил уголовно-правовую практику на более широкое применение штрафов – применительно как взамен лишения свободы, так и там, где это целесообразно, в дополнение к нему – за не связанные с насилием преступления небольшой и средней тяжести³. В случае же, когда санкция соответствующей статьи Особенной части УК РФ не предусматривает лишения свободы, а штраф взыскать с виновного невозможно, то надо, как указал глава государства, применять принудительные работы, которые, как было предложено, следует включить в систему наказаний в качестве самостоятельной меры.

Что могут представлять собой по своему содержанию принудительные работы в предложенном в Послании варианте, если действующая система на-

³ В тексте Послания буквально речь идет о «малозначительных преступлениях и преступлениях средней тяжести» (курсив наш. П.П.). Но, сегодня в уголовном правоведении общепризнано, что преступления по своей сути не могут быть *малозначительными*. Они всегда достаточно «значительны» – в том смысле, что являются не просто опасными, а... *общественно* опасными и в связи с этим должны влечь именно уголовное, а не иное средство правового реагирования. Вместе с тем, вполне понятно, почему Президент остановился именно на данном термине (*малозначительное* преступление). Ведь используемый законодателем термин «преступление *небольшой* тяжести» (ст. 15, 75, 76 и др. УК РФ) тоже в принципе неточен, поскольку в буквальном смысле он отражает группу преступлений, которые по степени своей общественной опасности сразу следуют (в направлении понижения опасности) за преступлениями *большой* опасности, то есть... за особо тяжкими и тяжкими преступлениями. А это – категория еще преступлений средней тяжести. Поэтому строго терминологически преступления *небольшой* и преступления *средней* тяжести – это по существу одни и те же преступления. В связи со сказанным было бы, как мы полагаем, целесообразным соответствующую категорию преступлений называть в законе преступлениями не *небольшой*, а *пониженной* (варианты – *низкой*, *минимальной*) тяжести.

казаний уже располагает такими мерами, как обязательные работы и работы исправительные (ст. 49 и 50 УК РФ)? На наш взгляд, эта мера может выражаться в том, что виновный направляется для ее отбытия *вне* района его места жительства – в отличие от исправительных работ, которые отбываются осужденным *в районе* места жительства осужденного. Соответствующие учреждения должны быть, безусловно, закрытого типа. Наиболее подходящее их название – исправительно-*трудо*вые колонии. Те же из таких учреждений, в которых созданы надлежащие условия для лечения осужденных, страдающих алкоголизмом, наркоманией, токсикоманией, ВИЧ-инфекцией, венерическими или другими характерными для соответствующей категории осужденных заболеваниями, могли бы называться *лечебными* исправительно-*трудо*выми колониями. Оптимальный срок данной меры видится нам в пределах от шести месяцев до трех лет. В случае уклонения от отбывания принудительных работ, ее целесообразно заменять лишением свободы на не отбытый срок названных работ.

Полагаем, что предложенные Президентом принудительные работы могли бы назначаться также *взамен* лишения свободы либо *в дополнение* к нему – в качестве дополнительной меры наказания. В первом случае их отбытие могло бы быть организовано в тех же вновь образуемых исправительно-*трудо*вых учреждениях, а во втором – во вновь образуемых исправительно-*трудо*вых тюрьмах (в том числе *лечебного* типа).

С учетом того, что Конституция РФ (ч. 2 ст. 37) *запрещает* принудительный труд, рассматриваемая мера должна, как мы полагаем, назначаться, прежде всего, к лицам, которые: а) имеют задолженность по исполнительным листам (например, в связи с причинением совершенным преступлением материального ущерба и/или морального вреда) и в соответствии с действующим законодательством обязаны ее погасить; б) нуждаются в лечении от алкоголизма, наркомании, токсикомании, ВИЧ-инфекции, венерических или других характерных для соответствующей категории осужденных заболеваний; в)

выражают согласие или тем более сами инициируют применение к ним данной меры.

Вскоре после ноябрьского (2009 г.) Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство были внесены широкомасштабные изменения и дополнения, суть которых сводится к отказу от изначального довольно жесткого содержания такой меры наказания, как ограничение свободы, и наполнению ее правоограничениями, превращающими данную меру частично в разновидность условного осуждения, а частично в некое подобие домашнего ареста, давно уже известного уголовному законодательству некоторых зарубежных стран. Речь идет о Федеральном законе от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»⁴.

В средствах массовой информации и специальной юридической литературе появление данного Закона обычно увязываются с высказанными в Послании предложениями в области уголовной политики, касающимися включения в систему наказания принудительных работ – для случаев, когда совершены не связанные с насильем преступления небольшой или средней тяжести, заслуживающие в принципе наказания штрафом, но при условии, что взыскать штраф не представляется возможным. Однако внимательный анализ этого нормативного правового акта не дает оснований для такого вывода, поскольку в нынешнем виде ограничение свободы принудительных работ не по существу не содержат – если не считать того, что в качестве одного из альтернативных ограничений на период отбывания ограничения свободы на осужденного может быть возложена обязанность не менять место работы.

Судя по тому, настолько новый Закон пространен и настолько широк круг решенных в нем вопросов, начало его разработки относится еще к началу

⁴ См.: Российская газета. 2009. 30 декабря. С. 11.

(и уж никак не к концу) 2009 года, а именно к тому времени, когда Д.А.Медведев в своих выступлениях развивал еще мысль о том, чтобы «меньше сажать». В Послании же он несколько скорректировал свою позицию, указав, в частности, на то, что хотя «одними «посадками» проблему не решить», но все же «сажать надо». Не исключено, что уже в ближайшее время, в связи с ожидаемым всплеском преступности, обусловленным, в частности, предстоящим оставлением в открытом пространстве свыше ста тысяч преступников, ранее осуждавшихся к лишению свободы⁵, последует установка о том, что «сажать надо чаще, и жестче». Поэтому реализация президентских указаний относительно принудительных работ как самостоятельной меры наказания – еще впереди.

Итак, новый Закон в «облике» предусмотренного в прежней редакции ст. 53 УК РФ наказания в виде ограничения свободы, изначально задумывавшегося в качестве промежуточной между лишением свободы и наказаниями, не связанными с лишением свободы, меры, ввел в систему наказаний меру, которая может рассматриваться в одной ее части (назначаемой на сравнительно непродолжительные сроки – до одного года) как домашний арест⁶, а в другой (назначаемой на срок от одного года до четырех лет) – как разновидность условного осуждения.

Общий временной диапазон нынешнего ограничения свободы, состоящего в ограничениях типа не уходить из дома (квартиры, иного помещения) в

⁵ Вызывает серьезные сомнения правильность умозрительного суждения Марии Каннабих, члена Общественной палаты, председателя Общественной палаты при федеральной службе исполнения наказания, состоящего в следующем: «Альтернативное наказание – это панацея, спасение от повторной преступности. Почти половина преступлений являются повторными и совершаются из-за того, что человек попадает в преступное сообщество» (Каннабих М. Прямая речь // Российская газета. 2009. 30 декабря. С. 2). Приходится лишь сожалеть о том, что средства массовой информации, называя различные «титуты» авторов тех или иных высказываний (член, председатель, участник и т.п.), не удосуживаются указывать на их профессиональную принадлежность (юрист, врач, учитель, предприниматель и т.д.). Поэтому доверие к таким высказываниям обычно невелико. Получается так, что исправительная колония – это всего лишь... «преступное сообщество». Если половина из тех, кто отбывал наказание в местах лишения свободы, вновь совершает преступление, то это может свидетельствовать и о том, что вторая половина таких лиц – исправилась. А если бы не было для преступников соответствующих «тюремных университетов», то с большой степенью вероятности можно было бы утверждать, что все они, оказавшись в условиях безнаказанности, продолжали бы совершать преступления.

⁶ Именно так («домашний арест») и называет данную меру правительственная пресса (см., например: Куликов В. Преступная свобода. В России вводится домашний арест // Российская газета. 2009. 30 декабря. С. 2), что, конечно же, точно лишь отчасти, а именно в той, ее части, которая может назначаться на сравнительно непродолжительные сроки.

определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования и т.д., и назначаемого в качестве основного наказания за преступления небольшой и средней тяжести в качестве – от двух месяцев до четырех лет (для несовершеннолетних – от двух месяцев до двух лет), а если данная мера назначается в качестве дополнительного наказания – от двух месяцев до двух лет. В качестве дополнительного наказания данная мера может назначаться за преступления любой тяжести.

В прежнем виде ограничение свободы в качестве основного наказания могло назначаться по 66 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ, а в нынешнем виде – еще по 21 одной статье (части статьи). Итого сегодня данное наказание в виде основного может назначаться по 87 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ. Практически это – преобладающая масса преступлений небольшой или средней тяжести. В качестве дополнительной меры наказания ограничение свободы может применяться только в случаях, специально предусмотренных санкциями соответствующих статей (частей статей) Особенной части УК РФ. Таковых в Кодексе насчитывается 22.

С учетом высказанных в Послании предложений представляется целесообразным распространить нынешнее ограничение свободы только на те преступления небольшой и средней тяжести, которые, во-первых, не связаны с насилием, а во-вторых, совершены лицами, нуждающимися в течение определенного периода времени в особом правоохранительном контроле и не имеющими возможности заплатить штраф. На этот счет, как, впрочем, и по ряду других вопросов применения и исполнения ограничения свободы, нужны четкие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Можно предположить, что уже к середине 2010 года накопится достаточно обширная практика применения и исполнения данной меры, чтобы соответствующее постановление Пленумом Верховного Суда РФ было принято. В отличие от обязательных работ, которые «запускались» в действие хотя и «по нарастающей», но все же сравнительно медленно (в 2005 году – 17 тысяч

случаев применения, в 2006 – 34 тысячи, в 2008 – 59,4 тысячи)⁷, в применении нового ограничения свободы суды, вопреки ожиданиям «сдержанности», пускаются, образно говоря, «с места в карьер». Ведь если для «запуска» в действие обязательных работ требовалось создание для этого соответствующих условий (создание рабочих мест, организация работы осужденных и т.д.), то здесь ничего этого не требуется. Надо лишь хорошо объяснить осужденному его обязанности на срок, назначенный приговором, и последствия их невыполнения. Что же касается электронных «браслетов», видеокамер и других средств контроля, которые могут использоваться при исполнении ограничения свободы, то их введение – как говорится, дело техники.

Весьма полезным при применении ограничения свободы может оказаться «наработанный» судами в течение многих десятилетий опыт применения условного осуждения – института, во многом сходного с новой мерой. О том, что эти меры – весьма близки, свидетельствует, в частности, то, что ограничение свободы не может назначаться условно и оно не может назначаться в качестве дополнительного наказания при условном осуждении.

С условным осуждением ограничение свободы «роднит» также то, что и та, и другая мера сопряжена с испытательным сроком. Хотя при законодательном описании ограничения свободы прямого указания на испытательный срок нет, но его реальность в данной мере наказания вполне очевидна, так как, во-первых, исполнение той и другой меры соединено по существу с одними и теми же ограничениями, которые налагаются на осужденного (разница здесь заключается лишь в том, что при условном осуждении эти ограничения называются обязанностями), и, во-вторых, законом предусмотрены для обеих мер примерно одинаковые основания и последствия преобразования их в реальное лишение свободы.

От условного осуждения ограничение свободы (в нынешнем его виде) отличается лишь сугубо «техническими» деталями – в частности, следующими: а) испытательный срок при ограничении свободы равен сроку этой меры;

⁷ См.: Куликов В. Преступная свобода. В России вводится домашний арест // Российская газета. 2009. 30 декабря. С. 2.

б) круг преступлений, на которые распространяется данная мера – более узок (только преступления небольшой и средней тяжести – если речь идет о применении данного наказания в качестве основного); в) ограничение свободы, в отличие от условного наказания, может назначаться в качестве не только основной, но и дополнительной меры наказания; г) основанием обращения к реальному лишению свободы при условном осуждении может быть не только невыполнение возложенных на осужденного на период испытательного срока обязанностей (как это предусмотрено в отношении ограничения свободы), но также систематическое нарушение общественного порядка, повлекшее применение к лицу мер административной ответственности, и совершение нового преступления; д) срок лишения свободы, назначаемого условно, может быть в два раза более продолжительным срока, на который назначается ограничение свободы, «способное» при определенных условиях тоже преобразоваться в реальное лишение свободы (восемь против четырех лет); е) злостное уклонение от отбывания ограничения свободы влечет менее строгие последствия, чем злостное уклонение от «отбывания» условного осуждения – в первом случае (в отличие от второго) соответствующее уклонение сопряжено с возможностью преобразования назначенной меры в реальное лишение свободы лишь части (неотбытой) указанного в приговоре срока и только в соотношении: один день лишения свободы за два дня ограничения свободы; ж) в отличие от условного осуждения, ограничение свободы может назначаться и в качестве дополнительной меры.

Отказ государства от прежнего состояния ограничения свободы связан с тем, что в условиях продолжающегося финансового кризиса стало совершенно очевидным, что государству «не потянуть» эту меру (по крайней мере, в ближайшее будущее) – нужен дополнительный штат сотрудников уголовно-исполнительной системы, нужны здания, территории, оборудование, рабочие места, учебные заведения, поликлиники, больницы, детские учреждения для соответствующих женских мест отбывания ограничения свободы, воспитатели для несовершеннолетнего контингента, психологи.

С учетом того, что ограничению свободы новым Законом придано принципиально новое содержание (по сравнению с тем, которое было придано данному наказанию в первоначальной редакции ст. 53 УК РФ), важно было бы сам этот Закон назвать иначе, а именно так: «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, а также в некоторые другие законодательные акты Российской Федерации в связи с приданием наказанию в виде ограничения свободы нового содержания и введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации об этом наказании».

Вызывает сомнение необходимость экстренного введения в действие Закона о наказании в виде ограничения свобода (назовем его для краткости так) – с 1 января 2010 года. Ведь Закон опубликован только 30 декабря 2009 года. Получается так, что для ознакомления с Законом гражданам (да и должностным лицам, призванным обеспечивать его реализацию) отводится только один день – 31 декабря 2009 года. Впереди – встреча Нового (2010-го) Года, и трудно рассчитывать на то, что все бросятся законодательные нововведения. Правда, в заключительной статье рассматриваемого Закона предусмотрительно указывается на то, что он вступил в силу с 1 января 2010 года, *за исключением положений об ограничении свободы*, которые, в свою очередь, введены в действие с 10 января 2010 года. Но ведь что такое период с 1 по 10 января? Это продолжение новогодних праздников, сочетающееся с Рождеством Христовым. До законов ли в этот период людям? Нет, конечно же.

Но главное здесь заключается не только в том, чтобы и более продолжительное время было отведено на ознакомление с Законом (кстати, весьма пространном законом – ему отведена целая большеформатная страница «Российской газеты»), и как-то «развести» это время с праздничными днями (хотя и то, и другое весьма важно – в плане требований *реального*, а не формального, соблюдения конституционного принципа о допустимости применения только тех законов, которые официально доведены до «всеобщего сведения» – ч. 3 ст. 15

Конституции РФ), но еще и в том, чтобы было обеспечено опять таки именно *реальное* соблюдение другого конституционного принципа – принципа о недопустимости обратной силы более строго закона (ст. 54 Конституции РФ). Ведь многие положения Закона, даже не касающиеся собственно ограничения свободы (которое во многих случаях может быть применено и в качестве дополнительного наказания), существенно ухудшают положение лица. Например, это относится к расширению перечня оснований отмены условного осуждения и направления условно осужденного лица для реального отбывания назначенного наказания.

Нетрудно предположить, что нововведение, хотя на первом этапе и может привести к некоторому снижению в стране численности так называемого «тюремного населения»⁸, но затем снова все не замедлит вернуться «на круги своя». Более того, в связи с предстоящим неизбежным всплеском преступности (ведь в открытом пространстве и без того промышляет криминалом многомиллионная «армия джентльменов удачи») можно ожидать существенного пополнения и даже переполнения колоний. Выдержит ли это наша уголовно-исполнительная система, пока сказать трудно. Во всяком случае, прогнозируемое обострение проблем правопорядка, накладываемое на проблемы, связанные с осуществленным в 2010 году 20-процентным сокращением штатной численности сотрудников органов внутренних дел⁹, ничего хорошего нам не сулит. Что же касается уголовно-исполнительных инспекций, обязанных контролировать «домашних сидельцев», то они просто захлебнутся он навалившегося на них вала забот – если, конечно, не помочь им всем необходимым, начиная от технических средств контроля, дополнительных помещений, штатов и кончая обучением сотрудников соответствующим методам обращения с абсолютно новым для них контингентом. Прибавится работы, естественно, и со-

⁸ Предполагается, что в 2010 году к ограничению свободы будет приговорено (вместо реального лишения свободы) примерно 113 тысяч человек. Однако, как можно предположить, примерно треть из них уже на первом году «домашнего ареста» не оправдает оказанного им судами доверия и... «загребит за решетку».

⁹ См.: Указ Президента РФ от 24 декабря 2009 года № 1468 «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» // Российская газета. 2009. 29 декабря. С. 11.

трудникам милиции, в том числе участковым уполномоченным, оперативным работникам, дознавателям, следователям, прокурорам.

Понятно, что «ощетинится» против криминала, официально оставленного в открытом пространстве, и население. Но здесь конфликты будут разрешаться, конечно же, не в его пользу – ведь, как можно предположить, «арестантам» нечего будет терять, кроме собственных «браслетов». Во взаимоотношениях с любым недовольным соседом он всегда пойдет, как говорится, «напролом». А это – очередное правонарушение, если не преступление. Во всяком случае – повод для недовольства людей и, в то же время, для отправки «братана» в «хату».

Что можно предложить в плане мер, которые могли бы предотвратить надвигающийся вал проблем? Конечно же, нужны, прежде всего, дальнейшие шаги законодателя на пути совершенствования правовой основы противодействия преступности. Новые законодательные изменения в части излагаемых здесь положений видятся нам, в частности, в том, чтобы, во-первых, действительно реализовать внесенное Президентом положение о введении в систему наказаний принудительных работ, во-вторых, возвратить ограничению работы прежнее его содержание, запустив при этом в действие механизм исполнения данной меры, и в-третьих, новое содержание данной меры в одной его части «вливать» в условное осуждение, а во второй – переоформить в новый вид наказания, который мог бы называться домашним арестом.

Президент в своем Послании обоснованно предложил шире практиковать применение такой меры пресечения, как залог, в том числе по отдельным категориям преступлениям в увеличенном размере. Речь здесь должна идти, как нетрудно предположить, прежде всего, о тяжких и особо тяжких преступлениях, причем о преступлениях экономического и иного ненасильственного характера. Грабители, разбойники, бандиты, убийцы, террористы и другие подобные преступники, конечно же, едва ли должны рассчитывать на применение к ним залога как меры пресечения. Достаточного доверия к ним нет.

Досадным недостатком в целом добротного президентского документа является то, что в нем нет развернутого анализа нынешней проблемы состояния преступности и предпринимаемых против нее мер противодействия. Но, думается, этот его «недостаток» должен быть восполнен научно-исследовательскими учреждениями наших правоохранительных ведомств. Если каждый из таких учреждений сделает собственный анализ этой проблемы, то можно путем сравнений оценить его объективность и все же составить более или менее полное представление о ней. Откроются, следовательно, новые перспективы ее решения.

Президент признал нетерпимым положение, при котором в отдельных регионах по-прежнему наблюдается массовая безработица (например, на Северном Кавказе она колеблется в пределах от 30 до 50 и более процентов), а выделяемые на поддержку регионов многомиллиардные суммы в той или иной их части *разворовываются* чиновниками. Терпеть такое казнокрадство впредь, разумеется, никто не будет. Но, может быть, и здесь понадобится какое-то «подкрепление» со стороны уголовного законодательства – например, в виде дополнения главы 21 Особенной части УК РФ *составом казнокрадства* с соответственно усиленной санкцией, включающей, помимо прочего, возможность применения дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – например, сроком до двадцати лет. Во всяком случае, если такая (удлиненная) мера уместна в соответствии с последними изменениями в уголовном законодательстве в санкциях статей о преступлениях секс-маньяков, то почему же, спрашивается, ее не применять в отношении маньяков-казнокрадов, которых в последние годы развелось у нас, как известно, немало? То же самое, думается, надо предпринимать и в отношении, например, маньяков-коррупционеров, маньяков-наркобаронов, разного рода «оборотней» в погонах и без погон.

В то же время Президент поддержал рассматриваемый Государственной Думой законопроект, направленный на исключение уголовной ответственности лиц, уклонившихся от уплаты налогов, но в дальнейшем выполнивших

свои обязательства перед бюджетом и заплатили соответствующие пени и штрафы. Кроме того, эти лица, как указал глава государства, не должны подвергаться дополнительным проверкам со стороны правоохранительных органов. Это, безусловно, правильное решение – ведь неплательщик налогов лишь тогда опасен, когда он, ловко маскируясь, наносит бюджету ущерб. Когда же он, образно говоря, разоружился и к тому же является для правоохранительных органов как бы «меченым», то его фактическая опасность сходит практически на «нет», приближается к нулю.

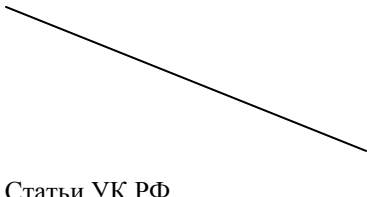
Федеральным законом от 29 декабря 2009 года № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» созданы для этого соответствующие правовые основания. Так, новые редакции примечаний к статьям 198 и 199 УК РФ устанавливают буквально следующие положения: лица, впервые совершившее предусмотренные названными статьями или статьей 199.1 Кодекса преступления, освобождаются от уголовной ответственности, если они (в случае совершения преступлений, предусмотренных статьями 199 или 199.1 УК РФ – либо соответствующие организации) полностью уплатили суммы недоимки и соответствующих пеней, а также суммы штрафов в размерах, определяемых в соответствии с Налоговым кодексом РФ¹⁰.

Эти нововведения, в сочетании с тем, что новые редакции примечаний к статьям 198 и 199 УК РФ многократно подняли стоимостные критерии криминализации простых и квалифицированных уклонений от уплаты налогов, в том числе стоимостные критерии криминализации простых и квалифицированных неисполнений обязанностей налогового агента (в шесть раз подняты величины соответствующих крупных размеров и в четыре раза – особо крупных), могут означать, что статьи 198, 199 и 199.1 УК РФ практически не будут применяться. Говоря иными словами, противодействие нарушениям налоговой дисциплины, в том числе совершаемым в крупных и особо крупных размерах, теперь по существу всецело выйдет из сферы уголовно-правового реагирования и

¹⁰ См.: Российская газета. 2009. 31 декабря. С. 11.

станет прерогативой главным образом административной юрисдикции. Хорошо это или плохо – покажет время, но все же можно предположить, что не замедлят произойти законодательные изменения, значительно усиливающие активность соответствующей сферы административно-правового реагирования.

Таблица 1. Критерии преступности налоговых деяний (крупный и особо крупный размеры) при уклонении от уплаты налогов и (или) сборов (и включении в налоговую декларацию или иные документы заведомо ложных сведений) с физического лица (ст. 198 УК РФ), с организаций (ст. 199 УК РФ) и при неисполнении обязанностей налогового агента (ст. 199¹ УК РФ)

<u>Размеры</u>	<i>Крупный</i>	<i>Особо крупный</i>
 Статьи УК РФ	1) Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов путем непредставления налоговой декларации или иных документов; 2) Включение в налоговую декларацию или иные документы заведомо ложных сведений, <i>совершенные:</i> в крупном и в особо крупном <i>размере, то есть соответственно в сумме:</i>	
Ст. 198 УК РФ – Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица	свыше 1,8 млн. руб., если <u>ДНН/С не превышает 10 % ПУСН/С</u> – за любой период, а если <u>ДНН/С превышает 10 % ПУСН/С</u> , то – свыше 600 тыс. руб. – за период в пределах трех финансовых лет подряд	свыше 9 млн. руб., если <u>ДНН/С не превышает 20 % ПУСН/С</u> – за любой период, а если <u>ДНН/С превышает 20 % ПУСН/С</u> , то – свыше 3 млн. руб. – за период в пределах трех финансовых лет подряд
Ст. 199 УК РФ – Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации Ст. 199 ¹ УК РФ – Неисполнение обязанностей налогового агента	свыше 6 млн. руб., если <u>ДНН/С не превышает 10 % ПУСН/С</u> – за любой период, а если <u>ДНН/С превышает 10 % ПУСН/С</u> , то – свыше 2 млн. руб. – за период в пределах трех финансовых лет подряд	свыше 30 млн. руб., если <u>ДНН/С не превышает 20 % ПУСН/С</u> – за любой период, а если <u>ДНН/С превышает 20 % ПУСН/С</u> , то – свыше 10 млн. руб. – за период в пределах трех финансовых лет подряд

Примечания к таблице:

1. Процентные критерии, предусмотренные в отношении крупного и особо крупного размеров – соответственно 10 и 20 % (соотношение – один к двум);
2. Соотношение базовых сумм и сумм, предусмотренных законом применительно к повышенной доле неуплаченных налогов и (или) сборов (ДНН/С) в отношении подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов (ПУСН/С) – один к трем;
3. Соотношение в суммах, предусмотренных в отношении крупного и особо крупного размеров – один к пяти.
4. Соотношение в суммах, предусмотренных в отношении физических лиц и организаций – один к трем (если точно, то – 1 к 3,333);

Помимо отчетливо выраженной либерализации уголовно-налоговой политики, в приведенных нововведениях просматривается еще и рационализм,

состоящий в том, что со времени 2003 года, когда были установлены прежние критерии криминализации налоговых деяний прошло шесть лет, и с тех пор рубль, как известно, значительно обесценился. Вследствие этого уголовно-правовой «прихват» оказался, несомненно, более болезненным для экономического гражданского общества. И сохранять прежние стоимостные «планки» уголовной ответственности стало уже просто некорректным.

Другое дело, что коррекция должна быть осуществлена по той же причине и в отношении соответствующих стоимостных критериев всех других деяний экономического характера. Нужна, конечно же, аналогичная правка и размеров штрафов, которые тоже за истекшие шесть лет значительно «усохли» и, следовательно, уже не могут в полной мере своему назначению. Пока этого не сделано, но, как видим, законодательство не стоит на месте, развивается и вполне возможно, что законодатель уже в ближайшее время обратит внимание на необходимость решения этих обозначившихся с течением времени проблем.

Понятно, что в Послании не могли быть отражены многие другие важные вопросы, касающиеся уголовного законодательства и уголовно-правовой практики – и пространственные рамки этого документа весьма узки (100 минут), и общая его направленность иная (не правовая, а, прежде всего, политическая). Так, глава государства, думается, намеренно не стал касаться проблемы смертной казни, которая была поставлена накануне Верховным Судом РФ перед Конституционным Судом РФ. Понятно, что было бы некорректным оказывать давление на эту высокую судебную инстанцию в столь сложном вопросе¹¹. Известна жесткая позиция главы МВД РФ Рашида Нургалиева, исходящая из того, что отмена смертной казни фактически отменяет право на жизнь законопослушных граждан, а также позиция некоторых политических деятелей (например, лидера ЛДПР Владимира Жириновского, требовавшего введе-

¹¹ Конституционный Суд РФ, рассмотрев 19 ноября 2009 года вопрос о смертной казни, воздержалась от возврата к ней (см.: Определение Конституционного Суда РФ // Российская газета. 2009. 27 ноября. С. 24). Основным аргументом был при этом такой: «Раз уж этот мораторий действует более 10 лет, то за это время он оказался легитимен в правоприменительной практике...» (Закатнова А. Суд приговорил не убивать. Мораторий на смертную казнь продлен // Российская газета. 2009. 20 ноября. С. 2).

ния смертной казни – вплоть до исполнения ее, как сообщалось в прессе, через повешение, причем демонстративно, на центральных площадях крупных городов – на том основании, что, якобы, только эта мера может остановить разгул в стране преступности.

Несмотря на все это, мы должны сказать смертной казни все же свое категорическое и решительное «нет». И здесь главное заключается не в том, что «наше правосудие пока не застраховано от ошибок...» (на это упирают в своих доводах против смертной казни генпрокурор Чайка, Патрушев и ряд других известных руководителей наших силовых ведомств), не в том, что «смертная казнь ничего не дает в практическом плане...», а пожизненное лишение свободы – это, якобы, «та же смертная казнь, но... в рассрочку...» (об этом говорят многие наши ученые-юристы), не в том, что пожизненное лишение свободы – слишком дорогое удовольствие, ведь сейчас в стране насчитывается порядка 1,6 тысяч «пожизненников» (преобладающая позиция налогоплательщиков), не в том, что «Бог дал жизнь и поэтому только он может ее взять...» (позиция церкви), не в том, что людям «нужны гарантии быть не подвергнутым смертной казни» (Председатель Конституционного Суда РФ В.Зорькин), и даже не в том, что просвещенная Европа нас не поймет, если мы вновь начнем казнить – ведь последняя смертная казнь в Евросоюзе – во Франции – приведена в исполнение еще 10 сентября 1977 года (позиция нашего высшего политического руководства), а в том, что, как за это говорит здравый смысл, уже достигнутый Россией уровень цивилизованности не позволяет ей вновь браться за эту уже основательно отжившую свой век уголовно-правовую «дубинку». И, хотя по данным опросов россиян, примерно 70 % их «за» смертную казнь (а соответственно 30 % их – против нее), но нельзя не учитывать и того, что в мире насчитывается уже 130 стран, отменивших смертную казнь. И только 68 стран продолжает ее применять¹².

¹² См.: Кровная месть государства (редакционный материал) // Российская газета. 2009. 16 ноября. С. 9. Накануне рассмотрения Конституционным Судом РФ вопроса о смертной казни (19 ноября 2009 года) редакция газеты «Аргументы и факты» провела свой опрос по нему – результат: против смертной казни высказалось лишь 12 % опрошенных, а «за» – 88 % (см.: Казнить, нельзя помиловать! (редакционный материал) // Аргу-

Удивляет не определившаяся до конца позиция в этом вопросе патриарха нашей политической мысли и практики Примакова, отличающегося, как известно, предельно строгой логикой, высокой мудростью формулируемых выводов и принимаемых решений¹³. Рассуждая по данному вопросу, с одной стороны.., «так», а с другой... – «эдак», он только окончательно запутал и без того самый сложный для современного российского общества вопрос¹⁴. Да, действительно – если, допустим, преступник убил (не приведи Господи) кого-то из наших близких и дорогих нам людей, да еще сделал это самым жестоким способом, притом предварительно надругавшись над потерпевшим, то тут, вроде бы, не о чем и говорить – смертная казнь при таких обстоятельствах должна стать закономерным следствием поведения самого виновного. Но если ты – скажем, адвокат (кстати, автор этой публикации на заре своей профессиональной юридической деятельности в течение ряда лет практиковал в этой должности), то ты просто обязан во всех практических случаях (разумеется, не касающихся напрямую тебя самого) говорить *иначе*. Где же та, спрашивается, *золотая середина*, которая одна и только одна может рассматриваться как истина в последней инстанции? Нравится нам или не нравится этот поставленный что называется «на ребро» вопрос (как и тот или иной вариант ответа на него), но мы все же должны все вместе и каждый из нас в отдельности убежденно и доказательно *отрицать* смертную казнь. Если, конечно, мы не хотим, чтобы она когда-либо очередным «катком» не прокатилась самым нелепым и слепым образом по нашим собственным судьбам. Важно также иметь в виду, что, наряду с прочим, отрицая смертную казнь, мы, вместе с тем, одновременно отрицаем и все то самое худшее, что вообще было в истории нашей страны, и, кстати, что сегодня зловещим проклятием нависло над нашим настоящим.

менты и факты. 2009. № 47. С. 10). Но это как раз тот случай, когда *права* – не за «большинством», а за «меньшинством». По данным опроса социологической организации Левада-центр, 63% населения выступают за введение смертной казни, а 37% – соответственно против введения ее (см.: Закатнова А. Суд приговорил не убивать. Мораторий на смертную казнь продлен // Российская газета. 2009. 20 ноября. С. 2).

¹³ Но, как мы полагаем, Примакову может быть брошен разве что только один упрек – будучи в свое время Министром иностранных дел России, он не сумел предотвратить трагедию Ирака, оставленного по существу на растерзание американской военщине.

¹⁴ Информация о позициях по вопросу о смертной казни приводится на основе телерепортажей (по поводу возможного предстоящего решения Конституционного Суда РФ по этому вопросу) середины ноября 2009 года.

К тому же, кто именно будет исполнять данную меру? Старые профессионалы этого «исключительного» дела давно утратили квалификацию (если они еще живы), а новые... – откуда их возьмешь? Известно, что на последнем «издыхании» данной меры она обычно исполнялась без особого соблюдения установленных для этого правил (кстати, сугубо инструктивных, а не установленных законом) – просто приходил «исполнитель» данной меры (человек с офицерскими погонами на плечах), небрежно просил прокурора, начальника тюрьмы и врача, обязанных контролировать и констатировать смерть, «удалиться из помещения», затем, «заговаривая зубы» обреченному, заходил к нему сзади и, особо не мешкая, стрелял из пистолета «Макарова» приговоренному в затылок. Кровавые следы замывались, а труп хоронился на тюремном кладбище под каким-то очередным номером, прикрепленным к столбику, наспех воткнутому в свежую могилу. В свидетельстве о причинах смерти, выдаваемом родственникам, ставился выразительный прочерк¹⁵.

Очевидна необходимость включения в уголовное законодательства состава рейдерства, понимаемого как захват предприятия путем силовых, мошеннических и/или иных преступных действий. Понятно, что во всех случаях совершения рейдерства это преступление должно квалифицироваться по совокупности с соответствующими другими преступлениями.

Как показывают социологические исследования, наиболее распространенные экономические преступления в нашей стране – это незаконное присвоение активов (на данное преступление указывают 64 % респондентов), коррупция в сфере взаимоотношений бизнеса и власти (48 %), искажение данных финансовой отчетности (28 %), нарушение прав интеллектуальной собственности (23 %), мошенничество при привлечении заемного капитала (21 %) и мошенничество с фиксацией цен в рамках картельных соглашений (3 %). 43 % российских компаний (преимущественно – 57 % – это организации численностью свыше одной тысячи сотрудников) несут основные потери в результате экономических мошенничеств, причем часто эти потери весьма солидные. Так,

¹⁵ Свидетельства непосредственных участников такого рода событий.

у 47 % наших компаний ежегодный ущерб от таких преступлений составляет свыше одного миллиона долларов США. По мнению 71 % респондентов, в целом Россия занимает верхнюю строку в списке государств с наиболее высоким уровнем экономического мошенничества. Показательно, что «соседняя» страна в этом списке – Кения (67 %) ¹⁶. Таким образом, и на этом направлении уголовное право может основательно «поработать».

Но совершенно очевидно, что господа предприниматели, заявляющие о тех преступлениях, которые совершаются против них, не афишируют те преступления, которые совершаются ими самими. А ведь это не только уклонения от уплаты налогов, но и те же «картельные сговоры», и та же коррупционные «сделки» с чиновниками, и производство некачественных товаров, и оказание сомнительных услуг, и грубый обман потребителя, и многое другое.

Настало, как представляется, время вернуть силу статьям 182 и 200 УК РФ (соответственно заведомо ложная реклама и обман потребителя), признанных в соответствии с Законом от 8 декабря 2003 года утратившими силу. Последующая многолетняя правовая практика показала, что противодействие подобным деяниям на основе, с одной стороны, административного законодательства, а с другой (когда суммы ущерба достаточно велики) – на основе ст. 159 УК РФ (мошенничество), не дает нужного результата. Нужна прицельная, то есть предельно точная практика реагирования на объективно общественно опасные деяния.

С другой стороны, настала пора признать утратившими силу статьи главы 23 УК РФ с включением предусмотренных ими составов преступлений в конструкцию соответствующих составов, предусмотренных статьями главы 30 УК РФ. При этом следует создать унифицированное понятие должностного лица, то есть такое его понятие, которое включало бы и признаки нынешнего законодательного понятия лица, выполняющего управленческие функции в

¹⁶ Данные международной аудиторской компании PricewaterhouseCoopers (полученные при участии бизнес-школы INSEAD), представленные в очередном – пятом – «Всемирном обзоре экономических преступлений», проведенном с июля по ноябрь 2009 года (см.: Зыков С. Мошенники в активе. Российский бизнес поделится экономическими преступлениями // Российская газета. 2009. 20 ноября. С. 5).

коммерческой или иной организации – подобно тому, как это сделано в Кодексе РФ об административных правонарушениях.

В самостоятельной криминализации нуждаются, как мы полагаем, такие деяния, как *вымогательство услуг, их неоплата и непредоставление услуг* при уже произведенной предварительной оплате.

Коррупция могла бы быть криминализована в виде систематически совершаемых корыстных должностных преступлений – в особенности организованными группами. Организованные формы коррупции, понятно, должны влечь на основе соответствующих квалифицирующих признаков особо строгие меры уголовной ответственности.

Важно строже конкретизировать стоимостные критерии преступности деяний на нижнем пороге их общественной опасности – таких, которые предусмотрены статьями 163, 165, 174, 174.1, 175, 179 УК РФ. Это – вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, легализация (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, приобретение или сбыт имущества, добытого тем же путем. Полагаем, что нижний критерий должен быть в данном случае соразмерным сумме, превышающей ту, которая характеризует верхний стоимостный порог мелкого хищения (ст. 7.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Необходимо, на наш взгляд, позаботиться о более жесткой уголовно-правовой охране предметов, имеющих *особую* ценность, включив в понятие таких предметов, наряду с собственно культурными, художественными, историческими и научными ценностями, также *особо важные ценности*, находящиеся в частных коллекциях (например, семейные реликвии и т.п.), в том числе объекты недвижимости, компьютеры, автомобили, иную жизненно важную технику, информационные ресурсы, имеющие не только коммерческую, но и ту или иную культурную ценность. Соответственно более содержательными

следует сделать, в частности, составы, предусмотренные, в частности, статьями 163, 164, 167 и 168 УК РФ.

Прямые установки, содержащиеся в ноябрьском (2009 г.) Послании Президента РФ, в сочетании с положениями, непосредственно вытекающими из этих установок, а также с учетом ранее внесенных в Уголовный кодекс РФ изменений и дополнений – все это в совокупности не может не навести на мысль о том, что обновляющейся России нужен на данном этапе качественно новый Уголовный кодекс. Так как политика нынешнего руководства России такова, что центр тяжести решения всех проблем должен постепенно смещаться в регионы, то сам собою напрашивается вывод о целесообразности делегирования именно регионам конституционных полномочий федерального центра относительно принятия уголовного законодательства. Если каждый субъект Федерации будет иметь свое собственное уголовное законодательство, то он и будет нести *всю полноту ответственности* за состояние правопорядка в регионе. Основы же уголовного законодательства (нормы Общей части этого законодательства и те нормы его Особенной его части, которые предусматривают ответственность за ценности федерального и мирового уровня) могли бы приниматься на уровне именно федерального центра. Они служили бы своеобразным правовым «стержнем» всего уголовного законодательства, нацеленного в своей стратегии на охрану и обеспечение правопорядка в стране, столь необходимого на этапе ее модернизации.